

Антоневич Вера Дмитриевна

27.02.1927, д. Перевалочня Витебской обл.

Началась война, мы всей семьёй попробовали уйти на восток, но не дошли даже до города Орша. Немцы нас опередили, и мы вынуждены вернуться. Дома, где мы раньше жили, заняли немцы, а мы вынуждены делать землянку. Отец был членом партии. Вот он Дмитрий Павлович и сестры ушли в партизанский отряд.

Отступая в 1943 году, немцы стали зверствовать, и нас с сестрой Мариной и Лидой арестовали и повезли в Толочинскую тюрьму. Мою сестру Марию при попытке бежать из Толочина отправили сразу в Германию, а меня и Лидию долго держали в номере Толочинской тюрьмы, где гестаповцы пытали дважды. Они даже возили в Матиевский лес на расстрелы. Это как, позже мы узнали, они выбивали признание, где партизаны. И вот, в декабре, 30 декабря нас из Толочинской тюрьмы погнали на железный вокзал в Толочине, погрузили в товарные вагоны и повезли в Германию. Пищи ни какой, ни воды, а трупы в пути не выбрасывали. Это уже произошло на территории Польши.

Так нас привезли на станцию Аушвитц. Находились не менее месяца. Жили в бараках, но нигде не работали. Еда была водянистой. Одежда та, в которой мы нас забрали из дома. Смерд от печей и крики. Вот что помнится. Наверное, поскольку немцы отступали, то Освенцимские печи не успевали справляться. Нас, где-то в феврале 1944 года снова загрузили в товарные вагоны и привезли в другой лагерь Дахау. Тут нас с бирками сфотографировали. У меня был номер 3926. Дальше, там в лагере, находилось до нас тысячи таких как мы, но мы могли сами передвигаться. Там также я провела несколько месяцев. Жили в бараках. Питание никакое. Одежда старая. На работы нас не водили.

Вот и отправили нас в г. Берхтегаден. Образовали женский лагерь. Туту и полячки, украинки, русские и белоруски. Но нас, да и мы все друг-друга и своих называли русскими. Мужчин не было. Они также там были, но жили и работали отдельно от нас. У них свой лагерь за колючей проволокой. Город с гористой местностью. Сначала убирали снег. А потом делали из песка, цемента и воды блоки. Процесс был таков. Вода подвозилась в машинах. Такие как молочные машины. Вот ее надо было в ведрах принести к форме. Туда, таким же образом засыпали песок и цемент. Перемешивали вручную. Все это было тяжелым, где-то 60–70 килограмм. Форму мы переносили в другое место для того, что б она постояла 3–4 дня. Это была сушка. После этого форму надо было переворачивать. Плиты выпадали из формы и их, уже готовых, на носилках мы переносили на место хранения. Здесь я должна сказать, что на такой работе использовали женщин от 16 до 20 лет. Мы же молоденькие. То знаете какие болезни были? Кроме тяжелого состояния, когда теряешь сознание, тут мне не совсем удобно здесь об этом говорить - это женские болезни. Открывались кровотечения. А условий никаких не было для лечения. Надсмотрщики стояли и били палками за любую провинность, да и когда, если кто-то пробовал не работать или симулировать.

Правда, нас время от времени проверяли врачи. Измеряли давление. А другого, пожалуй-то, и не было ничего.

Питание было таким. Водичка с кусочком хлеба на весь день. В обед привозили гнилую брючку. Вечером снова какая-то жидкость и тот же кусочек хлеба. Многие, в том числе и я, съедали этот хлебушек или утром или во время обеда. Потом ничего не оставалось как голодной ложиться спать. Но нам помогали прежде всего итальянцы. Какие это хорошие и добрые люди. Они получали посылки через Красный крест. Так вот, макароны они обворачивали в тряпку, заливали ее кипятком и несколько времени держали что бы макароны распарились и их можно было есть. Бросали через проволоку. А мы были рады такому подарку.

А жили мы в конюшне на нарах трехъярусных. И в ту пору было очень холодно. А одежда была легкая, из крапивы. На работу надо было рано подниматься. Подъем в полседьмого. Под охраной двух надсмотрщиков водили на работу. И так каждый день. Один из надсмотрщиков был лютый и часто бил. Другой был добрый. Мы сильно страдали. Что интересно, что готовые блоки вывозили на строительство как потом нам объяснили атомного центра.

Мало кто знает, что и в те далекие и военные времена шла разработка и подготовка к строительству и введению атомных центров. Вот на таком мы и работали. Эти блоки грузили на машины. Работа очень тяжёлая, кормили. Немцы зверствовали очень жестоко. Блоки, которые мы делали, обкладывали вход завода, который был в горах. Помнится, что это была арка. Она была красивая. Нас в 1945 г. очень сильно бомбили. Не раз думаешь, вот у тебя кусочек хлеба на целый день. А зачем он будет нужен если убьют. Вот и кушали его сразу, а потом наступал голод. Смотришь на других, которые так не делали и завидуешь. В конце отношение к нам изменилось к лучшему. Не стали так заставлять работать, да и стаи лучше кормить.

Освободили нас американцы. И вот снова на свободе, не верится, что остались живые, хотя и были все дистрофиками. С помощью американцев, которые нас лечили и кормили. Даже была такая возможность брать все что хочешь из домов. Американцы нам разрешали это делать. Скажу немало это так и поступило. Особенно мужчины. Отправили нас домой через Австрию, дальше Польша и Западную Украину. А там мадьяры. Я так называю украинцев, которые проживали ранее в Голиции. Вот они зверствовали по отношению к нам. Все искали золото, драгоценности, которые могли иметь узники. Действительно, некоторые рассказывали, что участвовали в погрузке или разгрузке ценностей из вагонов. Потом об этом рассказывали американцам. Вот некоторые из них и могли взять такие украшения или предметы. В октябре 1945 года вышли на наших. Тут проверка через отделы и только после этого нас отпустили домой.

Минск, 2010